

Достаточность или о том, чего и сколько надо иметь, чтобы быть богатым

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Месячная пенсия Отца была около сорока рублей. В пересчете, это было примерно пятнадцать бутылок водки или – Отец вообще не покупал водку – около двенадцати килограмм сливочного масла, хотя масло Семья тоже не покупала – это были всегда лишь абстрактные единицы измерения, в которые Отец пересчитывал величину получаемых им денег, чтобы иметь возможность сравнивать уровень жизни в различные годы и в различных странах – будь то Украина, или Третий германский рейх, или Советский рейх.

Они также почти не покупали игрушки или конфеты для детей. То что стояло в списке закупок, было только самое необходимое из продуктов питания: хлеб, сахар, соль, подсолнечное масло и уже и все. Другое поступало на стол из огорода, с картофельного поля, от свиньи, от коровы, от пары курей и уток.

Обувь и одежда для детей закупалась один раз в году, перед школой, но и то только тогда, если обувь и одежда старших больше не подходила младшим или была так изношена, что не могла больше быть отремонтирована, заштопана и использована дальше. То есть в том случае, если уже нельзя было найти места на обуви или на штанах для очередной заплатки.

До тех пор сыновья во главе с Отцом должны были ремонтировать всю обувь, в том числе для сестры и Матери, и сами подшивать сибирские пимы – тогда опять же еще довольно тяжелая работа для Малыша.

Мать вязала к зиме теплые шерстяные носки и рукавицы; шила из дешевого материала легкие штаны и рубашки к лету; старательно проверяла, латала и штопала все старые штаны, куртки, рубашки, носки, варежки, в том числе для Отца.

Из-за таких штанов – иногда с двумя большими заплатками на заднице – детей в школе обзывали «жопа в очках». Но это их мало трогало, потому что они были к этому привычны и другого не знали. Зато они очень много чего умели и противопоставляли свое умение, в том числе лучшие успехи в учебе, этим прозвищам, так что их как на улице, так и в школе больше уважали, чем презирали или высмеивали.

Такой способ жить – непритязательно потреблять только самое необходимое и притязать на высшие успехи и производительность в их делах – давал им правильный взгляд на такие вещи, как бедность и богатство. Они никогда не чувствовали себя бедными, даже в смысле обладания имуществом или средствами, не говоря уже о том, чтобы чувствовать себя убогими или жалкими.

Они обладали массой способностей, вероятно, от природы и кучей средств, чтобы эти способности развить и проявить, наверняка, от Отца, который их этой куче научил. У них было также много души, унаследованной от Матери и воспитанной ею, что однако не обязательно делало их жизнь при определенных

обстоятельствах легче. Но счастливы в своей Семье были они во всяком случае!

Они чувствовали и знали, что множество людей вокруг них было достойно сожаления, как тот симпатичный мужик с вопросом о еще каком-нибудь городе позади Польши. Они были горды собой и сочувствовали этим людям от всей души. Они чувствовали себя богатыми и были всегда готовы помочь таким людям и поделиться с ними, как это, собственно, и должно быть свойственно в традиционном смысле богатым людям.

Им бы никогда не пришло в голову что-то украсть у других людей или, еще хуже, выклянчивать у них что-то, чего у них не было. То, чего у них не было, но они могли это сделать, как, например, игрушки от оружия всех сортов до автомашин – они и делали сами для себя из того, что было под рукой, главным образом из дерева, ржавого железа и старых жестяных консервных банок. Чего у них не было и что они не могли сделать сами, того для них просто и не существовало – еще ни один богатый человек в мире не достиг же того тоже, чтобы обладать всем на Свете.

Эти представления и эта гордость были даже не делом воспитания. Об этом даже ни разу и не говорилось. Это был вид отношений в Семье, который происходил, наверное, от Отца, всосавшего еще с молоком матери эту гордость зажиточных и никому за это ничего не должных колонистов.

Или же от обеих родителей, которые так жестоко познали, каким ничем не стоящим, преходящим и даже тягостным может быть все то, что человек копит вокруг себя и пытается потом спасти, таща с собой по горящим путям истории. Самым ценным и самым транспортабельным богатством, которое не отягчает, а всегда только помогает и никогда не только не пропадает, но даже и преумножается, является то, что человек несет в себе: в своей голове, в своей душе, в своих руках и ногах.

Поэтому Малыш и знал сразу, после этого театра с чадом их клиентов и с его игрушечной машиной, что он вел себя совсем недостойно при этом, как будто ему не хватало этой задрипаной машины или еще чего бы то ни было.

Этот, если даже и не высказанный, упрек Отца он видел в его глазах, когда тот вышел во двор. И поэтому тоже Малыш был рад смыться от этой возникшей не из-за чего ситуации и, стесняясь Отца, скрыться на своем чердаке.

*